

Б. Н. Ковалев

Человеческий фактор государственной безопасности в условиях Ленинградской битвы (1941–1944)

Сотрудники специальных служб — это обыкновенные люди, правда, выполняющие достаточно специфическую работу. Они необходимы для нормального функционирования государства. Особую важность их деятельность приобретает в экстремальных условиях, например, в условиях войны.

Образы советского чекиста как «рыцаря с чистыми руками, горячим сердцем и холодной головой» или «кровавого сталинского палача» во многом являются пропагандистскими штампами. Понятно, исходящими от противоборствующих сторон.

В условиях Ленинградской битвы (1941–1944 гг.) шла ожесточенная борьба. Советским органам государственной безопасности противостояли как гитлеровцы, так и их союзники. И далеко не всегда над ними удавалось одержать победу. Это можно объяснить не только высочайшей квалификацией наших противников, но и ошибками, просчетами, невыполнением своих служебных обязанностей со стороны тех лиц, которым была доверена безопасность Советского Союза.

На всем необходимо учиться: и на успехах, и на ошибках. Именно поэтому 22 июня 1943 г. начальник Ленинградского управления НКГБ Петр Кубаткин провел для своих сотрудников оперативный семинар. На нем его заместитель полковник Иона Иванов сделал доклад «Агентура, ее воспитание и темп работы»¹. В нем был проанализирован опыт, накопленный чекистами за два года вооруженного противостояния.

Начальный период Великой Отечественной войны — это не только попытка молниеносной войны со стороны нацистской Германии. Она также вела своего рода «блицпропаганду» (обещаем все, что хотят от нас услышать). В работе спецслужб ставка делалась на массовость агентуры из числа местного населения, которая рассматривалась как некий расходный материал, который было не жалко потерять. За первые годы войны ситуация стала меняться. Иона Иванов заявил: «Если в недалеком прошлом немецкие разведывательные органы в массовом количестве и без сколько-нибудь существенной проверки вербовали себе агентуру из числа советских военнопленных, находящихся в лагерях, то теперь, убедившись, что это привело к массовым провалам их работы, они стали перестраиваться в сторону: а) более тщательной и предварительной проверки кандидатов на вербовку с тем, чтобы создать не только квалифицированные кадры, но и, главным образом, надежные и преданные им кадры разведчиков, которые по тем или иным причинам крепко связали свою судьбу с немцами, на которых можно вполне положиться; б) более широкого использования агентуры из числа русских белых эмигрантов, имеющих в нашем тылу связи»².

Очень обидно, когда советские разведчики, выполнявшие свои задания в тылу врага, передавали ценную информацию, а она не приносила никакого результата. Так, у одного из работников ГБ находилось дело по розыску немецкого шпиона, ранее проживавшего в Ленинграде. По нему было известно, что он, находясь в плену у немцев, оказался завербован немецкой разведкой и его перебросили в советский тыл с заданиями разведывательного характера.

Из доклада Ионы Иванова: «В Ленинграде проживала его жена, которая эвакуировалась. Брат взят в феврале месяце 1942 года в армию, находится на Ленинградском фронте. В Ленинграде на его квартире остались две сестры его жены. Немедленно, как только этот шпион был установлен, в его квартире был завербован агент. Кажется, все сделано правильно. Но оказалось правильно с точки зрения формальной. Агент имел задание: “Если немецкий шпион появится в квартире, организовать задержание его и немедленно сообщить нам”»³.

Немецкий агент оказался не столь глупым человеком, чтобы отправиться отдыхать в свою квартиру. Он смог встретиться с родственником где-то на улице.

«Когда нам было уже известно, что этот человек немцами переброшен в наш тыл, поступило письмо из УНКВД Архангельской области. Там проживают его эвакуированные родственники. Получено сообщение о том, что ими в начале марта 1943 года перлюстрировано письмо брата разыскиваемого шпиона, в котором он сообщает, что их родственник жив, здоров, мол, не беспокойтесь, прислал письмо, но адреса своего не сообщил»⁴.

Таким образом, ленинградские чекисты были вынуждены констатировать факт, что операция по аресту вражеского агента практически сорвалась. «Из суммы всех материалов явствует, что разыскиваемый шпион где-то в нашем тылу, если брат получил от него письмо, а это письмо [он] мог прислать только по старому адресу»⁵.

Эта неудача была вызвана исключительно человеческим фактором. Иона Иванов с возмущением признал: «Так с агентами не работают и так разработки не ведут. Завербованный специально по этому делу агент даже ни разу не был направлен к родственникам объекта, а превратился в простого сторожа»⁶.

Дети любят играть в разведчиков. В книге Германа Матвеева «Зеленые цепочки»⁷ ленинградские школьники борются с диверсантами, наводящими сигнальными ракетами немецкие самолеты на оборонные объекты города.

Во время войны трудно определить ту грань, где заканчивается бдительность и начинается шпиономания. Ленинград. Весна 1943 г. Оперативный работник принял от агента — взрослой женщины донесение, в котором сообщалось, что 6–8 марта во время воздушной тревоги со двора домов были выпущены три ракеты. Первая — красного цвета, вторая — голубого, в сторону одного оборонного завода.

В одном из этих домов, как заявила агент, проживает некая гражданка, которая, как ранее замечалось, во время налетов ходит на чердак, и ее подозревают в том, что она пускает ракеты.

Получив такие серьезные данные, начальник контрразведывательного отдела выделил квалифицированного работника — заместителя начальника следственного отдела Тихонова, который вместе с ним выехал на место проверить и расследовать это происшествие. Далее дело развивалось следующим образом: «При встрече с агентом на первый вопрос, видела ли она лично, как и откуда пускают ракеты, последовал ответ: нет.

Вопрос: А кто же видел?

Ответ: Мой племянник 13 лет.

Вопрос: А где он был в это время?

Ответ: У себя в комнате на втором этаже.

Вопрос: И точно определил, что ракеты пущены со двора этих домов?

Ответ: Да нет, он только предполагает»⁸.

Когда чекисты пришли в эту комнату, откуда якобы были видны выпускаемые со двора домов ракеты, то оказалось, что «из окон этой квартиры вообще ничего не видно»⁹.

Многие советские люди считали своим долгом помогать органам государственной безопасности, тем более в условиях войны. Кто-то находился под впечатлением от книг и фильмов о «солдатах незримого фронта». Однако в жизни далеко не все было так, как представлялось ранее. И тогда оставалось лишь одно: написать вышестоящему руководителю. Эти жалобы не просто принимались к сведению. Их подробно разбирали и анализировали.

Из жалобы секретного сотрудника: «Все встречи происходят всегда наспех, вечная торопливость, вороватое оглядывание и личное неуважение к источнику. Договариваясь о встречах в указанном адресе, сотрудник в назначенный час не являлся, зная, что источнику как бойцу МПВО в другое время уйти нельзя»¹⁰.

Из другой жалобы: «20 октября 1942 г. в 20 часов я была на условленном месте встречи, но сотрудник не явился. Прождав 20 минут, я ушла, и материал, приготовленный для него, лежал у меня до 30 ноября, т. е. один месяц и десять дней»¹¹.

Петр Кубаткин на встрече с сотрудниками ленинградского Управления с возмущением заявил: «Имеются случаи, когда наши некоторые оперативные работники бездушно относятся к агентам. При встречах они наспех получают материал, если есть, нет — поругают, назначают следующую явку и все. Личной жизнью агентов не интересуются. Они не знают и не хотят знать радостей и печалей агентов, а ведь эти вопросы в воспитании агентуры играют большую роль»¹².

Та же агент пишет: «Вас интересует лишь одна сторона вопроса — получить сведения и только. Вы не считаетесь с условиями моей жизни и работы. Вы могли бы спросить, поинтересоваться моей личной жизнью. Этого не бывает. Это мне непонятно»¹³.

Иногда сотрудники говорили своим конфидентам двусмысленные комплименты: «Вы поправились. Губы стали красить»¹⁴.

Если учесть, что дело происходило в блокадном Ленинграде, то девушка не просто смутилась от такого внимания, а написала руководству Управления о том, «что, когда она была дистрофиком, мать и отец были дистрофиками и больные, он не заметил, не поинтересовался, как я живу, а теперь увидел, что я губы накрасила. О моей нравственности заботиться не надо»¹⁵.

Удивительно, что девушка, которой еще не было и 20 лет, объясняет в своем письме, что она не занимается доносами. Она просто по мере сил хочет максимально помочь своей стране в столь сложное время. «Сотрудник разговаривает со мной, как с малым ребенком, все время что-то обещает и не выполняет, вместо того, чтобы научить, как поступать в тех или иных случаях, чтобы собрать необходимые сведения, так как действительно жизненный опыт у меня небольшой»¹⁶.

Об ответственном отношении к людям неоднократно говорил П. Н. Кубаткин. Конечно, работа чекиста не столь романтична, как это могло показаться дилетанту. Есть в ней немало и рутины. Но нет ничего страшнее профанации и безответственности. Вот что написал один молодой человек, мечтавший внести свой вклад в Победу: «При получении первого же задания я был разочарован, так как мне поручили выяснить какие-то служебные сплетни. Мне дали служебный телефон сотрудника, которому я никак не мог дозвониться»¹⁷.

Понятно, если рядом с ним находился настоящий враг, он ни в коем случае не должен был догадаться о его связях с контрразведкой. При этом «через некоторое время я вдруг получил повестку о явке в НКВД, чем очень была напугана моя мать. Явившись в НКВД, я узнал, что сотрудник ничего лучшего не придумал, как назначить явку в своем кабинете путем вызова повесткой. Потом я стал встречаться с сотрудником на улице, причем приходилось ожидать его в течение 1–2 часов»¹⁸.

Романтика «тайной войны» быстро сошла на нет. «Задания я получал неинтересные, и я понял, что от этого уполномоченного до моих представлений о разведке — дистанция огромного размера»¹⁹.

На этом его злоключения не закончились: «Попал я на связь к другому работнику, его задания меня удовлетворяли, однако вскоре выяснилось, что он большой лодырь. Он манкировал встречами, часто переносил их, ломал мой рабочий день. Особенно меня раздражало, что как только к нему приходил, он усаживался бриться, или переодеваться, торопясь то в театр, то в кино»²⁰.

Одним из наиболее страшных врагов сотрудника органов государственной безопасности является мышление стереотипами. Враг — это подозрительный иностранец, прячущий свое лицо. Он крадется где-то на задворках, чтобы сделать свое подлое вредительское дело. А бывший приятель, сосед, герой войны, фронтовик, прибывший на побывку, — ведь это другое дело! Тем более если он так щедро делится с окружающими своим запасом водки с закуской.

Историю, которая произошла в Маловишерском РО НКВД, иначе как провалом не назовешь. По показаниям некоторых арестованных немецких разведчиков-парашютистов проходил один немецкий разведчик, готовившийся к выброске с группой других разведчиков на нашу территорию с заданиями разведывательного характера. Он до призыва в армию проживал и работал на железнодорожной станции в Малой Вишере²¹.

Ориентировки на него были даны достаточно полные, чтобы установить его, выявить все родственные и прочие связи с тем, чтобы при появлении немедленно задержать.

Однако райотделение ничего не сделало. Только после двукратного прямого указания из Ленинграда, что этот разведчик уже был в Малой Вишере и некоторых других населенных пунктах Маловишерского и Чудовского районов, что по выполнении задания он вернулся опять к немцам и получил за это награду, началась проверка.

Оказалось, что эти немецкие разведчики действительно побывали в Малой Вишере, имели несколько встреч со своими родными и знакомыми. Среди них был и агент Маловишерского РО. Он оказался близким приятелем старшего группы немецких агентов. Поэтому они даже ночевали у него.

Об этом секретный сотрудник сам рассказал работникам Маловишерского РО НКВД, когда они стали спрашивать у него, что ему известно о разыскиваемом лице. Он не сообщил ранее об этом, потому что не знал, что его разыскивают как немецкого агента. А ведь районное отделение получило вовремя необходимую ориентировку, имело возможность организовать действительную разработку и розыск, который мог завершиться арестом всей этой группы²².

В условиях войны действия спецслужб противника наносили непоправимый ущерб. При этом П. Н. Кубаткин особо отмечал, что опасность для плодотворной работы представляют не только гитлеровцы и их союзники. Крайне опасным и даже вредительским называлось «стремление некоторых оперативных

работников показать свою работу количеством, не считаясь с тем, что неосновательное взятие на учет того или иного лица противоречит постановлению ЦК и СНК СССР от 17.11.1938 г. и соответствующим приказам НКВД СССР»²³.

Арест невиновного — это не только падение авторитета органов. За ненужной работой кроются зря потраченные время и силы. Заместитель начальника Следственного отдела Управления НКГБ по Ленинградской области капитан Соколов перечислил недочеты, на устранении которых надо сосредоточить внимание: «Это, прежде всего, сравнительно высокий процент освобожденных из-под ареста. По восточным районам нашей области из общего количества арестованных за год освобождено 5,7%. Этот факт говорит о том, что с качеством следствия у нас еще обстоит дело неблагоприятно»²⁴.

Соколов признал, что «в числе освобожденных имеются такие отдельные лица, арест которых был произведен необоснованно»²⁵. В качестве примера он привел дело Семеновой.

«В июле 1942 года ЭКО²⁶ УНКВД ЛО была арестована Семенова М. П. — начальник смены ОТК завода № 211.

Основанием к ее аресту послужило сообщение Управления НКВД Калининской области о том, что ее муж Касьянов Сергей Сергеевич, будучи в рядах Красной армии в феврале 1942 года, добровольно перешел на сторону врага и передал немцам командованию секретные чертежи.

Что он, будучи помещен в Рижский лагерь военнопленных, делает попытки изготовить засекреченный у нас вид боеприпасов “РС”.

Не перепроверив факта, сообщенного Калининским управлением НКВД, что легко было сделать, работники ЭКО арестовали Семенову.

Если бы они произвели предварительную проверку, то установили бы, что арестовывать Семенову было не за что, так как у нее муж — Касьянов С. С. в бою за социалистическую родину был убит 10 февраля 1942 года и захоронен на южной окраине г. Колпино, а факт, сообщенный Калининским УНКВД, не соответствует действительности»²⁷.

Не замалчивались факты нарушения прав задержанных. Причем, несмотря на условия войны, контроль над законностью осуществляла прокуратура. «Оперуполномоченные Чудовского РО НКГБ Ш-ко и К-ов допустили в практике своей работы извращенные методы ведения следствия, грубо нарушали нормы УПК, за что получили суровое наказание. Характерно то обстоятельство, что факты извращения были вскрыты не начальником районного отделения тов. Шведчиковым, а ему стало известно об этом через районного прокурора. О чем это говорит? Это говорит об отсутствии надлежащего контроля за работой оперативного состава. А у тов. Шведчикова не так уж много дел в районе, чтобы не иметь возможности осуществлять повседневный и личный контроль»²⁸.

Иногда серьезная работа превращается в своего рода фарс. В процессе допроса следователь должен получить интересующую его информацию. Но его

недостаточный уровень образования, в том числе и профессионального, приводил к тому, что в протоколе фиксировались следующие ответы: «Но что именно говорил, я сейчас не помню, потому что мы, евреи, любим много говорить всяких глупостей»²⁹.

Или на вопрос: «Что же вы делали в гостях у своего знакомого Абрама?», записывалось так: «В гостях известно что делали: выпили, закусили, поболтали и разошлись по домам»³⁰.

В докладе заместителя начальника Управления НКГБ ЛО полковника Басова «Чекистские кадры и их воспитание» была дана следующая статистика: «Оперативный состав районных отделений в основном представляет собой не молодых работников, а работников, получивших известный опыт в агентурно-оперативной работе, значительная часть его имеет чекистскую подготовку в школах НКВД.

По стажу работы в органах НКВД–НКГБ:

От 1 года до 3 лет – 25 %

От 3 лет до 6 лет – 39 %;

От 5 и выше лет – 36 %.

Следовательно, ни одного оперативного работника в составе районных отделений области, работающего меньше 1 года, нет»³¹.

В первые годы советской власти при подборе будущего сотрудника государственной безопасности особую роль играло классовое происхождение. Даже на третьем десятилетии после Октябрьской революции этот фактор давал о себе знать, причем с негативной стороны.

«По образованию: высшее и неполное высшее имеют 3 %;

Среднее и неполное среднее – 52 %;

Низшее – 45 %»³².

Определенным оправданием данной ситуации звучит комментарий о том, что большинство из них являются хорошими практиками: «Здесь имеется порядочный процент имеющих низшее образование. Однако в своем большинстве работники с низшим образованием имеют достаточный практический опыт в работе, [это] политически зрелые люди, способные решать практические задачи»³³.

Всем советским людям тогда было очень тяжело. Чекисты не являлись исключением. Тем более что именно им противостоял самый жестокий и хитрый враг — спецслужбы нацистской Германии. Руководство Ленинградского управления прямо говорило о том, что «многие работники нашего управления живут старым багажом, не совершенствуют своих знаний, не анализируют своей работы, не делают соответствующих практических выводов. Нет необходимости доказывать, что враг не спит, что он хитер и коварен, не брезгует никакими средствами в борьбе и с методической настойчивостью засылает к нам сотни своих шпионов. Преуменьшать силы врага, пренебрежительно к нему относиться было бы с нашей стороны величайшей глупостью»³⁴.

Начальник Управления НКГБ ЛО комиссар Государственной безопасности 3-го ранга Петр Кубаткин говорил своим подчиненным не только о «горячем сердце»: «Уже два года как чекистский коллектив Ленинградской области в условиях Отечественной войны несет ответственную боевую вахту по охране государственной безопасности тылов Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов»³⁵.

Он говорил не только о «холодной голове»: «Для того, чтобы еще лучше, чтобы еще оперативнее наносить решительные удары по врагам нашей родины и тем ускорять час их гибели и приближать час торжества нашей победы, мы, большевики-чекисты, обязаны немедля, в кратчайший срок устранить все наши недочеты и пробелы в работе и дело поставить таким образом, чтобы впредь мы об этом никогда не говорили»³⁶.

Очень важными даже в условиях войны оставались «чистые руки»: «Произвести арест без достаточных оснований, без достаточной проверки — это позор и преступление для наших органов. С этим позорным для нас явлением мы обязаны повести беспощадную борьбу, мы абсолютно не можем мириться с этим преступлением. Наша задача впредь работать так, чтобы не было никаких нарушений в нашей работе»³⁷.

К сожалению, сам Петр Кубаткин в 1950 г. стал жертвой «Ленинградского дела». Но это произойдет уже после Победы над гитлеровцами и их союзниками.

¹ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — АУФСБ по СПб и ЛО), Ф. 12. Оп. 58. Д. 31. Л. 2.

² Там же. Л. 97.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 106.

⁶ Там же. Л. 107.

⁷ По ней был снят в 1970 г. режиссером Григорием Ароновым на киностудии «Ленфильм» одноименный популярный детский приключенческий фильм.

⁸ АУФСБ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 58. Д. 31. Л. 107.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 115.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 116.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 203.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 130.

- ²² Там же. Л. 131.
²³ Там же. Л. 138.
²⁴ Там же. Л. 151.
²⁵ Там же.
²⁶ Экономический отдел.
²⁷ АУФСБ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 58. Д. 31. Л. 156–157.
²⁸ Там же. Л. 186.
²⁹ Там же. Л. 158.
³⁰ Там же. Л. 159.
³¹ Там же. Л. 167.
³² Там же. Л. 168.
³³ Там же.
³⁴ Там же. Л. 171.
³⁵ Там же. Л. 196.
³⁶ Там же, Л. 201.
³⁷ Там же. Л. 202.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Б. Н. Ковалев. Человеческий фактор государственной безопасности в условиях Ленинградской битвы (1941–1944) // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2. С. 191–200

Аннотация: В условиях Ленинградской битвы (1941–1944 гг.) шла ожесточенная борьба. Советским органам государственной безопасности противостояли как гитлеровцы, так и их союзники. И далеко не всегда над ними удавалось одержать победу. Это можно объяснить не только высочайшей квалификацией наших противников. Особую роль в этом противоборстве играл человеческий фактор: ошибки, просчеты, невыполнение своих служебных обязанностей со стороны тех лиц, которым была доверена безопасность нашей страны. 22 июня 1943 г. начальник Ленинградского управления НКГБ Петр Кубаткин провел для своих сотрудников оперативный семинар. На нем его заместитель полковник Иона Иванов сделал доклад «Агентура, ее воспитание и темп работы». В нем был проанализирован опыт, накопленный чекистами за два года вооруженного противостояния. Очень важным было то, что заявил Петр Кубаткин: «Произвести арест без достаточных оснований, без достаточной проверки — это позор и преступление для наших органов. С этим позорным для нас явлением мы обязаны повести беспощадную борьбу, мы абсолютно не можем мириться с этим преступлением. Наша задача впредь работать так, чтобы не было никаких нарушений в нашей работе».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинградская битва, советские органы государственной безопасности, спецслужбы нацистской Германии.

FOR CITATION

B. N. Kovalev. The human factor in the Soviet state security: the battle of Leningrad, 1941–1944 // Petersburg historical journal, no. 2, 2022, pp. 191–200

Abstract: The battle of Leningrad (1941–1944) was a fierce struggle. The Soviet state security bodies were opposed by both the Nazis and their allies. The former did not always emerge victorious over the latter. This can be explained not only by the high efficiency of the Germans. The human factor played a crucial role in this confrontation: mistakes, miscalculations, individual derelictions of duty and failures of Soviet security officials. On June 22, 1943, the head of the Leningrad Directorate of the NKGB, Pyotr Kubatkin, held a training seminar

for his employees. In the seminar, his deputy, Colonel Iona Ivanov, made the report “Secret agents: training and the pace of work”. It analyzed the experience gained by the KGB servicemen over the two years of the armed confrontation. Pyotr Kubatkin emphasized the following. “To make an arrest with no sufficient ground, with no adequate verification is a shame and a crime for our bodies. We should have a bare-knuckled fight with this shameful phenomenon in our ranks; we absolutely cannot put up with this crime. Our goal is to continue to work so that there are no violations of the rules”.

Key words: World War II, the Battle of Leningrad, Soviet state security bodies, special services of Nazi Germany.

Автор: **Ковалев, Борис Николаевич** — д. и. н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.

Author: **Kovalev, Boris Nikolaevich** — Dr. in History, Leading Researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

E-mail: bnikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1904-1844